

Научная статья
УДК 821.161.3
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-73
EDN UBDWLU

**Сублимация психологического анализа в поэзии А. Аврутина
о Великой Отечественной войне**

Елена Владимировна Крикливец

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры белорусской и русской филологии, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
kriklivec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4640-0785>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации приёмов психологического анализа в поэзии Анатолия Аврутина о Великой Отечественной войне. А. Ю. Аврутин – современный русскоязычный поэт Беларуси. Его творчество снискало широкую известность и на Родине, и далеко за её пределами. Художественное наследие А. Аврутина демонстрирует как преемственность традиций советской литературы, так и индивидуальные когнитивные и стилевые подходы к постижению и воплощению военного прошлого. Историческая правда о Великой Отечественной войне многогранно и многоаспектно репрезентуется в лирике автора: А. Аврутин осмысливает войну и как социальный, и как экзистенциальный феномен, изображает судьбу отдельной личности в контексте исторического пути нации и народа. При этом социальные закономерности соотносятся с народными эсхатологическими представлениями о природных циклах умирания и возрождения, когда сам факт гибели становится залогом возрождения жизни, её продолжения. Психологическая глубина военной поэзии А. Аврутина детерминирована спецификой пространственно-временного континуума произведений, особенностями организации лирического сюжета, библейской и мифологической цитацией, фольклорными стилизациями. Поэт исследует духовный диапазон участников и очевидцев войны от расчеловечивания до образцов моральной стойкости и силы духа, затрагивает ранее табуированные темы, реконструируя психологическую логику предательства. Интертекстуальная основа ряда стихотворений имплицитно национальный культурный код, свидетельствующий о том, что историческая память о войне трансформируется в память генетическую, определяя актуальную аксиологическую ориентацию русского и белорусского народов на сохранение идеалов добра, справедливости, веры и любви.

Ключевые слова: современная литература; белорусский литературный процесс; поэзия; Великая Отечественная война; психологизм; интертекстуальность; мифологическая цитация

Для цитирования: Крикливец Е. В. Сублимация психологического анализа в поэзии А. Аврутина о Великой Отечественной войне // Мир русскоговорящих

стран. 2024. № 4 (22). С. 73-92. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-73>.
<https://elibrary.ru/UBDWLU>.

Original article

**Sublimation of psychological analysis in A. Avrutin's poetry
about the Great Patriotic war**

Elena V. Kriklivets

Doctor of philology, associate professor, professor at the department of Belarusian and Russian philology, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Republic of Belarus, Vitebsk

kriklivec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4640-0785>

Abstract. The article focuses on identifying and systematizing the techniques of psychological analysis in Anatoly Avrutin's poetry about the Great Patriotic War. Anatoly Yurievich Avrutin is a contemporary Russian-speaking poet of Belarus. His work has gained wide popularity both in his homeland and far beyond its borders. A. Avrutin's artistic heritage demonstrates both the continuity of Soviet literary traditions and individual cognitive and stylistic approaches to understanding and portraying the military past. The historical truth about the Great Patriotic War is represented in the author's lyrics in a multifaceted and multi-aspect manner: A. Avrutin comprehends the war as both a social and an existential phenomenon, depicts the fate of an individual in the context of the historical path of a nation and a people. At the same time, social patterns are correlated with popular eschatological ideas about the natural cycles of dying and rebirth, when the very fact of death becomes a guarantee of the revival of life, its continuation. A. Avrutin's war poetry has a psychological depth determined by the specific spatial-temporal continuum of the works, the specific organization of the lyrical plot, biblical and mythological citations, folkloric stylization. The poet explores the spiritual spectrum of war participants and eyewitnesses from dehumanization to moral fortitude and strength of spirit; he touches upon previously taboo topics, reconstructing the psychological logic of betrayal. The intertextual basis for a number of poems implies a national cultural code, indicating that the historical memory of the war is transformed into genetic memory, determining the current axiological orientation of the Russian and Belarusian peoples to preserve the ideals of goodness, justice, faith, and love.

Key words: contemporary literature; Belarusian literary process; poetry; Great Patriotic War; psychologism; intertextuality; mythology citation

For citation: Kriklivets E. V. Sublimation of psychological analysis in A. Avrutin's poetry about the Great Patriotic war. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 73-92. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-73>.
<https://elibrary.ru/UBDWLU>.

Введение

Творчество А. Ю. Аврутина широко известно как в Беларуси, так и за её пределами. В течение четверти века

А. Аврутин является главным редактором журнала «Новая Немига литературная», на страницах которого увидели свет произведения, определившие

развитие литературного процесса как в Беларуси, так и в России. Поэт живо откликается на все вызовы времени, создавая психологически точные картины исторического прошлого и современности, многие его строки звучат пророчески. Совершенно очевидно, что автор, чьё детство пришлось на первые послевоенные годы, с особым трепетом и волнением подходит к осмыслению темы Великой Отечественной войны и трагического прошлого нашего народа. Личная боль и личная память в стихах поэта становятся метонимией исторической памяти, создают основу психологически достоверных образов и ярких авторских находок в построении лирического сюжета, глубоких филологических обобщений.

Методы исследования

В работе использованы культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие ввести новейшие произведения А. Аврутина в научный обиход, выявить способы литературной рефлексии и вектор индивидуальных творческих поисков автора.

Результаты исследования

В современной поэзии осмысление событий Великой Отечественной войны представляет собой как рефлексию литературного наследия предшественников, так и попытки отыскать свой авторский подход к художественному постижению исторической правды, воплощению личной (семейной) и генетической памяти, импликации социальных и культурных национальных кодов. Разумеется, поэтические произведения военной, а точнее – антивоенной – направленности составляют лишь некоторую часть политематической и многожанровой поэзии невоёвавших. Сти-

хотворения такого рода присутствуют в творческой копилке современных авторов как способ осознания индивидуального пути в контексте исторического пути своего народа, способ транспонировать события прошлого на внешнеполитические вызовы дня сегодняшнего, способ обозначить свою гражданскую позицию. Потому закономерно, что современная белорусская поэзия о Великой Отечественной войне на рынке художественной литературы представлена коллективными сборниками или тематическими подборками в литературно-художественных изданиях [Званоў перазвон, 2023; Незабыўнае рэха вайны, 2023; Па праву жывога, 2014; Плеханова, 2014; Победители, 2015]. Нельзя не отметить, что художественная проза о Великой Отечественной войне изучена значительно лучше, нежели поэзия, о чём свидетельствуют как отдельные исследования современных российских и белорусских литературоведов [Аристов, 2010; Ковтун, 2020; Крикливец, 2024; Крыкливец, 2024; Маркова, 2016; Скаковская, 2015], так и сборники материалов научных конференций, посвящённые данной тематике [Вторая мировая ... , 2015; Литература в контексте ... , 2020]. Можно предположить, что формы художественного осмысления военного прошлого, представленные в поэзии, требуют особого методологического подхода и научной презентации.

Поэтическое мышление А. Аврашина масштабно. Когнитивные модели автора представлены и индуктивными, и (что обычно не характерно для лирики) дедуктивными способами постижения военного прошлого. Так, в ряде стихотворений поэт пытается осмыслить войну как социальное и – шире – как общечеловеческое явление,

постижь социальные и экзистенциальные закономерности, которые детерминируют неизбежную повторяемость военных конфликтов в истории цивилизации.

В стихотворении «Не со щитом, так хоть на щит...» противопоставлены два исконных занятия человека: сеять и воевать. Антиномия созидания и разрушения воплощена в образе-символе поля, которое одновременно выступает и полем брани, и полем, на котором рстят хлеб. В произведении реализуется архетип незасеянного поля как метафоры непрекращающихся военных конфликтов:

Опять идут за татью тать,
гремя в тумане.
И нету времени вспахать
то поле брани

[Аврутин, 2022, с. 57].

Примечательно, что ещё одним ключевым образом в символике стихотворения становится образ иволги, который в народных мифологических представлениях традиционно связывается с трудолюбием и смирением, любовью к своему делу. В произведении А. Аврутина изображена кричащая (а не поющая) иволга, тревожно снующая над бранным полем:

Не со щитом, так хоть на щит...
Средь росной рани
о чём там иволга кричит
на поле брани?

[Аврутин, 2022, с. 57].

В предложенной коннотации образ иволги может быть интерпретирован как предупреждение человечеству о возможности самоистребления. Иволга названа в стихотворении «божьей» птичкой, поскольку божественное начало – мирное и созидательное, однако в человеческом сообществе далеко не всегда чтутся законы добра, справедли-

вости и милосердия, а потому крикам иволги не придаётся должного значения и выражение «птичка божья» приобретает ироническую окраску:

У раздорожья
о чём там иволга кричит? –
так птичка ж божья...

[Аврутин, 2022, с. 57].

Хронотоп стихотворения «Нам велел господарь...» соотносится с периодом средневековья и повествует о завоевании Руси монголо-татарами. Однако историческая основа стихотворения выступает лишь поводом для авторского размышления о комплексе гуманитарных проблем в парадигме «человек и война». Война – явление, противное человеческой природе. Войны развязываются из-за политических амбиций «господарей», а в результате проливается кровь подданных. Эта горькая закономерность выявлена и в поэтических строках А. Аврутина:

Нам велел господарь
не жалеть на противника порох.
Да и собственной крови
велел не жалеть нам, как встарь.
И хрипело в груди,
пот кипел в цепенеющих порах,
и махал нам рукой,
и смеялся во след господарь

[Аврутин, 2022, с. 81].

Эта мысль подтверждается и выражением «прикипали к шеломам // вспотевшие враз волоса» [Аврутин, 2022, с. 81]. Архаическая форма «шелом» содержит аллюзию на «Слово о полку Игореве», где анонимный автор осуждает амбициозного князя, возжелавшего «испытать шеломам Дону».

Война ожесточает человека, пробуждает в нём низменные инстинкты, позволяющие испытывать эйфорию от собственной жестокости:

Не слыхав про экстаз,
мы метались в кровавом экстазе,
меч вонзая в убитых, –
а вдруг, полежа, оживёт?

[Аврутин, 2022, с. 81].

При этом уникален взгляд поэта на исход войны, который, казалось бы, должен состоять в продолжительной взаимной непримиримости и национальной разобщённости. А. Аврутин моделирует иную версию, восходящую к глубинным эсхатологическим представлениям:

Мы им – головы с плеч,
они женщин брюхатили наших,
перемешаны крови ...

Но все же родился народ

[Аврутин, 2022, с. 82].

Война – общечеловеческая трагедия, социальная катастрофа, после которой требуется длительное восстановление. Повторяемость войн и их последствий в истории человечества сродни мифологическим природным циклам умирания и возрождения, когда сам факт гибели становится залогом продолжения жизни. Антиномия жизни и смерти обуславливает амбивалентную сущность человеческого характера, содержащего и стремление к созиданию, и генетическую память о пережитых разрушениях, и осознание того, что, в конечном итоге, нас связывает «одно на всех пепелище» [Аврутин, 2022, с. 82]:

Как его разделить,
хоть уже наплодилось умельцев,
только ужасы помнить,
не помня связующих вех?

Тут поди отличи
поджигателей от погорельцев,
коль одно пепелище,
одно пепелище на всех...

[Аврутин, 2022, с. 82].

Попытку создания альтернативной истории предпринимает А. Аврутин в стихотворении «Кутузов». Сопоставляя исторические обстоятельства двух войн, получивших в связи с небывалой масштабностью и всенародным значением наименование «Отечественных», поэт размышляет как о роли личности в истории, так и о «концепции личности», которую порождает конкретная эпоха. «Встраивая» личность М. И. Кутузова и его решение сдать Москву неприятелю в «декорации» советской эпохи, А. Аврутин справедливо предполагает бесславный трагический финал:

А это значит – скорый трибунал...

Разжалован, а следом и расстрелян,
он просто б послужил «высоким
целям» –

кто сдал Москву,

Берлина бы не взял...

[Аврутин, 2022, с. 255].

Заметим, что навряд ли поэт выражает сомнение в том, что толстовская концепция исторического фатализма была нежизнеспособна в годы Великой Отечественной войны. Хотя, безусловно, А. Аврутин апеллирует, скорее, к литературному образу М. И. Кутузова, сложившемуся в творческом наследии М. Лермонтова и Л. Толстого, нежели к его реальному прототипу. Поэта интересует гуманистическая основа образа полководца, берегущего армию и верящего в силу духа и самосознание народа, продемонстрировавшего моральное превосходство над неприятелем. Вера полководца в свой народ, закреплённая в памятниках литературы, рождает эту же безусловную веру и у потомков великой битвы: «люди помнят: // “Мы их победили...” // В день поражения... // В день Бородины...» [Аврутин, 2022, с. 255]. Совет-

ский же политический дискурс требовал от человека конкретных доказательств силы духа и гражданской позиции, формировал концепцию личности, в любой момент способной на подвиг. Оправдала ли себя эта стратегия? Как во время военных действий находить баланс между исторической необходимостью и гуманистическими идеалами? Вот круг вопросов, которые война ставит перед личностью и государством, и на которые ищет ответы А. Аврутин, опираясь на свою поэтическую и человеческую картину мира.

Продолжая исследовать войну как социальное явление, А. Аврутин обращается к событиям Гражданской войны. Стихотворение «Только цокот копыт, только лютые сабли кривые...» построено на приёмах поэтического обобщения и развёрнутой метафоры: противоборствующие стороны воплощены в образах красного и белого коней, стирающих в прах пространство бывшей империи:

Красный бешеный конь – вот уже половина России,

а вторая – такой же, но белый взбесившийся конь.

И несутся они, в пепелище страну обращая,

каждый – с правдой своей,

каждый – с храбрым своим седоком.

И кровавой войне ни конца не видать и ни края,

лишь сторевшее жито да кровь над пробитым виском...

[Аврутин, 2022, с. 42].

Упоминание о наличии у непримиримых противников «своей правды», само признание этого факта – выстраданной правоты каждой из сторон – генетически роднит данное стихотворение А. Аврутина с произведениями

античной трагедии, конфликт в которых строился на столкновении двух «правд», обусловленных социальными и моральными принципами их носителей. Зритель сочувствовал обоим антагонистам, испытывая катарсис в результате драматического разрешения конфликта. Такой взгляд на историю Гражданской войны в XX веке демонстрирует в своих полилогичных эпических полотнах М. Шолохов.

Однако природа аллегории в стихотворении А. Аврутина не только социальна. В произведении представлены христианские культурные коды, отсылающие читателя к шестой главе Откровения Иоанна Богослова:

Красный конь... Белый конь...

Каждый был половиной России...

На дороге пустой ни следа от тяжелых копыт.

Утром шишка слетит на траву...

И увидишь спросонок,

там, где бурые сосны угрюмо бредут стороной,

на неровной полянке копытами бьет жеребёнок...

Он не белый, не красный... Он утренний... Он вороной...

[Аврутин, 2022, с. 42].

Последовательное перечисление красного, белого и, наконец, вороного коней может быть интерпретировано как аллюзия на троих из четырёх всадников Апокалипсиса. В контексте этой аллюзии стихотворение А. Аврутина приобретает прогностическое звучание, потому что всадники на белом, красном и чёрном конях уже появились, и если человечество не остановится – встреча со всадником на белом коне неизбежна...

Можно заключить, что в творчестве А. Аврутина война осмысливается не только как социальная, но и как экзи-

стенциальная категория. Лирический сюжет стихотворений опирается на конкретные страницы военной истории, при этом в их референтной позиции содержатся духовные и культурные импликации, отражающие аксиологическую ориентацию автора.

Психологические закономерности войны поэт выявляет, вглядываясь в лица её участников и очевидцев. В стихотворении «Парад 1939 года» читателю открывается закулисы большой политической игры, в которую будет вовлечена половина мира. А. Аврутин создаёт достоверные психологические портреты советского комбрига С. Кривошеина и немецкого генерала Г. Гудериана. Обилие точных художественных деталей и ярких эпитетов характеризуют самодовольство и лицемерие германского офицера: «напыщенный Гудериан» [Аврутин, 2022, с. 13], «чванливого Гудериана» [Аврутин, 2022, с. 14], беседа на трибуне «для порядка» [Аврутин, 2022, с. 13]. При этом от поэта не ускользают истинные намерения амбициозного немца:

А немец стоит на трибуне-временке
и думает, щуря нордический глаз,
как будет гореть эти русские танки,
когда он отдаст настоящий приказ...

Когда он пристрелит еврея-комкора,

посмевшего руку арийцу пожать...

[Аврутин, 2022, с. 14].

Намечающееся военное противостояние считывается в молчаливом психологическом поединке двух командующих парадом офицеров. Автор стихотворения не сомневается в прогнивательности будущего генерала Красной Армии:

Пока же парад... Воевать ещё рано.
И снова комбриг, понимая обман,
жмёт руку чванливого Гудериана,
и *честь отдаёт ему* Гудериан

[Аврутин, 2022, с. 14].

Фраза, завершающая произведение, «и честь отдаёт ему Гудериан» приобретает в контексте лирического сюжета новое значение. Это уже не только и не столько армейское приветствие, сколько признание бесчестия немецко-фашистских оккупантов и морального превосходства победителей.

Одним из чудовищных преступлений фашистов в годы войны стало создание на территории Беларуси полутора десятков детских донорских центров, где у ребят отнимали кровь на нужды немецкой армии. Это страшную и ранее не тиражируемую тему поднимает А. Аврутин в стихотворении «— Я з Крыніц... Жыва пакуль...». Для наибольшего эмоционального воздействия на читателя поэт использует оригинальный способ субъектной организации произведения, формируя не только дискурс повествователя, но и делая субъектами высказывания самих детей, обречённых на гибель:

— Я з Крыніц... Жыва пакуль...

Зваць Алесья.

— З Докшыц я... А ты адкуль?

— Я з Палесся...

[Аврутин, 2022, с. 14].

В лексико-стилистическом оформлении стихотворения находит отражение ситуация белорусского билингвизма, когда дискурс русскоязычного повествователя сменяется фразами белорусских ребятишек на родном для них языке. Языковая игра в целом становится сюжетообразующей и смысловой доминантой произведения. Целый комплекс морально-этических проблем, связанных с массовым детоубийством, поэт мастер-

ски решает при помощи нескольких лингвистических замечаний:

И фашист, набравшись сил,
встав с кровати,
нет, не «мутер» говорил,
плакал: «Маці...»

И не мог никак понять,
хромоножка,
почему назвать кровать
тянет «ложкам»?

[Аврутин, 2022, с. 15].

Белорусские слова, неожиданно всплывающее в сознании немецкого солдата, свидетельствуют и о масштабе духовной деградации фашистской армии, и о необходимости отвечать за содеянное, и о разности национально-ментальных кодов. Последнее – всё чаще становится предметом исследования современных филологов, социологов, антропологов [Jürgen, 1995; Ковтун, 2020; Пленков, 2014]. А. Аврутин утверждает: кровь белорусских детей навсегда – на совести немецко-фашистских захватчиков:

Не понять ему – бандит –
в мракобесье:
кровь Миколаы говорит,
кровь Алеси...

[Аврутин, 2022, с. 15].

В стихотворении «Минское гетто» А. Аврутин не только повествует о страшных драматических событиях военной истории, но и исследует психологию предательства. Называя по имени жертв полиция, поэт оставляет безмянным его самого: человек, предавший Отечество, не достоин носить имя. При этом А. Аврутин пытается понять истоки человеческой жестокости и морального падения:

А полицай – тот, что был соседом,
хромую Двойру пристрелит следом.
За что той Двойре сыра могила?
За то, что чаем его поила,
когда его озверевший батя,
едва с похмелья, вставал с кровати,
лупил своих, доброты не зная...
Вспоила, Двойрушка, полиция

[Аврутин, 2022, с. 21].

Поэт прослеживает, как привычная с детства жестокость становится нормой жизни, что приводит к духовному растлению. Но самое пугающее заключается в замалчивании и искажении фактов, без которых ни генетическая память народа, ни историческая память государства не может быть полной, а значит, урок военной истории останется неувоенным:

Трава – Нахима, трава – Нехама...
Трава сквозь камни растёт упрямо
туда, где внук полиция снова
твердит, что не было здесь такого...

[Аврутин, 2022, с. 21].

Тему Холокоста продолжает в военной поэзии А. Аврутина стихотворение «Баба Эйдля». Несколькоими точными штрихами автор передаёт глубину скорби пожилой женщины, потерявшей семью:

Воротилась домой, чуть от Минска
откатились на запад бои.
Табурет раздобыла и миску,
услыхала: «Погибли твои...»
Обезумела?.. Нет, оставалась
всё такой же – тишайшей всегда.
Только спину согнула усталость
да в зрачках поселилась беда

[Аврутин, 2022, с. 64].

Заметим, что стихотворение «Баба Эйдля» выбивается из ряда произведений о тяжёлой доле женщин в военные и послевоенные годы, которых немало в современной белорусской поэзии о Великой Отечественной войне. Идей-

но-художественная концепция стихотворения значительно шире. Социальную проблему «человек и война» А. Аврутин переводит в экзистенциальную плоскость «человек и человек». Душевная щедрость позволила еврейской женщине разглядеть в пленном немецком капрале человека, которого, как и её саму, война лишила всего, даже человеческого облика:

И порою глядела подолгу,
как оборванный пленный капрал
нёс раствор... И кусочками щёл-
кал...

И огрызки в карман собирал.
Просто так, молчаливо глядела,
шла домой, не сказав ничего.
И светилось немывтое тело
сквозь прорехи в шинельке его

[Аврутин, 2022, с. 65].

Поделиться последним не с другом, а с врагом – вот истинное проявление гуманизма, которое даже в солдате фашистской армии рождает человечность. Две картофелины... две брикетины угля... два человека, заглянувшие в души друг друга... Поднимая нравственную планку максимально высоко, поэт признаёт, что эта высота подвластна далеко не всем:

Пусть соседи глядели с издёвкой,
бормотали, кто больше речист:
«И взяла... Ну, понятно, жидовка...
И принес... Ну, понятно, фа-
шист...» [Аврутин, 2022, с. 65].

О том, как далеко этому миру до высоких идеалов человечности, свидетельствуют пронзительные финальные строки стихотворения:

А она растопила незряче
печку торфом, что фриц удружил...
И зашлась удушающим плачем,
а над крышами пепел кружил...

[Аврутин, 2022, с. 65].

Символика кружащегося над крышами пепла – это и напоминание о дымящихся печах крематориев в фашистских концлагерях, о сотнях сожжённых оккупантами белорусских деревень, и печальное размышление автора о том, что воскрешать мир на пепелище прошлого очень непросто.

Стихи А. Аврутина о войне констатируют: война калечит человека физически и духовно. Для того, чтобы утвердить читателя в этой мысли, настоящему поэту не нужны пламенные публицистические воззвания – достаточно одного умелого поворота в лирическом сюжете или одного точного штриха к психологическому портрету героя – и коммуникативная стратегия автора становится очевидной.

А мужское
чинил он бесплатно,
«за так»,
если редкий клиент
на верстак его старый
ставил пахнувший порохом
грубый башмак
иль кирзовый сапог,
не имеющий пары

[Аврутин, 2016, с. 27].

Эти несколько строк из стихотворения «В сорок пятом сапожнику трудно жилось...», на первый взгляд, представляют собой обычную бытовую зарисовку, которая раскрывает перед нами исчерпывающую картину послевоенного социально-экономического кризиса. Чинить «за так» обувь фронтовикам – знак уважения и благодарности тем, кто, жертвуя собой, в боях отстоял Родину. Мужчины – клиенты у сапожника редкие, поскольку война «косила» в первую очередь их. Не имеющий пары кирзовый сапог – воплощение индивидуальной трагедии, приобретающее метонимическое зна-

чение. Поэзия А. Аврутина – яркий пример того, как смыслы, мастерски вложенные автором в произведение, точно пластины веера, раскрываются перед читателем, способным думать и понимать.

У лирического героя стихотворения «Щенят собрал хозяин неторопоко...» война отняла самых близких людей, лишила привычной системы нравственно-этических координат. Фашисты продемонстрировали беспримерную жестокость, и, ставший свидетелем кровавой расправы над матерью и сестрёнкой, «хозяин» уже не считает жестокостью те поступки, которые не лишают человека жизни. Безусловно, герой, переживший в детстве чудовищную трагедию, заслуживает сочувствия и понимания. С этими сочувствием и пониманием и оставил бы автор читателя, если бы не одна деталь, меняющая восприятие всего произведения:

И он умолк. К ногам дочурка жалась,
в глазах неся совсем не детский страх.

И сединою мудрость пробивалась
в его космато-бурых волосах
[Аврутин, 2022, с. 257].

Морально искалеченный войной ребёнок, став взрослым, не способен уже своему ребёнку обеспечить базовую потребность в безопасности. И самое драматичное, что эта опасность кроется не вне дома, а внутри него, исходит от родного человека. У «хозяина» размыты границы допустимого, от чего страдают зависимые, беззащитные и любящие его существа: маленькая дочка, верная собака. Модус трагического в стихотворении обусловлен тем, что противостоять расчеловечиванию уже поздно и невозможно:

И не было ни голоса, ни знака...
Съедала плесень тёмные венцы.

Да у крыльца побитая собака,
скуля, несла тяжелые сосцы

[Аврутин, 2022, с. 257].

Любопытный ракурс осмысления категории вины, появившейся в современной поэзии о Великой Отечественной войне, предлагает А. Аврутин в стихотворении «Автобус в пятьдесят четвёртом». Поэт моделирует ситуацию, типичную для любого социума: слепой побирuşка промышляет в пригородном автобусе исполнением незамысловатых песен. Как правило, в этой ситуации чувство, если не вины, то неловкости, испытывают пассажиры, потому что они относительно благополучны, потому что не хотят или не могут подать исполнителю, потому что их подаяние не исцелит инвалида и не изменит его судьбу... Однако А. Аврутин в очередной раз убеждает читателя в том, что война разрушает не только привычный уклад жизни, но и привычную систему ценностей. Люди, пережившие войну, потерявшие родных и близких, словно очерствели душой, замкнулись в своём горе, силясь его преодолеть. И потому чужая беда не представлялась им значительнее их собственной:

И обмануть он был не в силах
тех, кто на фронте землю грыз,
тех, кто с войны всё ждали милых,
хоть знали, что не дождались

[Аврутин, 2016, с. 29].

Каждый приспособливался и справлялся с болью, как мог, послевоенная действительность не располагала к состраданию: нужно было возвращаться к жизни и поднимать страну. И потому буднично и справедливо звучат слова уставшей женщины:

И рукавом прикрыв зевоту,
сказала женщина одна:
«Послушай, парень, ты б работал,
а побирушке – грош цена...»

[Аврутин, 2016, с. 29].

Автобус в пятьдесят четвёртом являл собой микромодель общества, в котором взывать к жалости, быть беспомощным и просить милостыню стыдно. Меряться бедами было так же стыдно, как стыдно было отсиживаться в тылу в то время, когда Родина подвергалась нападению немецко-фашистских захватчиков. Человек, не имеющий возможности быть полезным Родине, не соответствовал концепции личности, которую выдвигала эпоха. Категория вины в данном стихотворении А. Аврутина формируется посредством тесного переплетения индивидуального и социального и отражает экзистенциальный кризис не только отдельной личности, но и трансформированного войной социума:

Слепец ссутулился. Неловко
шагнул к дверям. Умолк. Раскис.
А перед самой остановкой
у парня плечи затряслись.

Чего стыдился, что он понял,
о чём страдал всего сильней –
о том, что пусто на ладони
иль что ослеп не на войне?

[Аврутин, 2016, с. 29].

О нелёгкой доле женщин в военные и послевоенные годы написано много. Идеино-тематическая направленность подобного рода произведений предсказуема: невыносимо тяжёлая работа, гибель родных, женская тоска по сильному мужскому плечу или одинокая старость. В поэтическом наследии А. Аврутина есть стихотворения, содер­жательно примыкающие к данному корпусу произведений. Следует отме-

тить, что, затрагивая традиционные для военной литературы темы, поэт ищет и находит нетривиальные подходы к их раскрытию. Так, пространственно-временной континуум стихотворения «Курит женщина в коридоре...» соотносится с 80-ми годами прошлого столетия: обычный день в обычной городской квартире. Но проницательному взгляду автора-повествователя открываются многие нюансы, на которые обыватель может не обратить внимания: женщина курит «Беломор», из-под рукава у неё виднеются некие цифры, а наивные догадки детей заставляют её расплакаться:

Разве можно об этом громко?
Видишь – плечи уже дрожат.
Отойди, отойди в сторонку,
подрастёшь – растолкую, брат...

Курит женщина, слёзы прячет,
и никак не поймет пострел –
кто же страшный решать задачи
на руке у неё посмел?..

[Аврутин, 2022, с. 256].

Акмеистическая точность использования художественных деталей даёт поэту возможность в четырёх строфах описать индивидуальную трагедию героини, показать бессмысленность диалога между поколениями с разным социальным и жизненным опытом, поделиться подспудным чувством вины от бессилия изменить прошлое.

Думается, в современной белорусской литературе найдётся не много авторов, осмысливающих античеловеческую сущность войны через категории любви и ревности. А. Аврутин филигранно делает это в стихотворении «Знала – не любит...». Лирическая героиня стихотворения дважды переживает потерю любимого: первый раз –

узнав о его измене, второй – получив похоронку:

Даже не знала,
кто же она –
другая?
Фронт... Похоронка...
Замолкла война
в мае

[Аврутин, 2022, с. 258].

Выверенный телеграфный стиль письма, короткие рубленые фразы, номинативные и эллиптические предложения, словно метроном, отсчитывают минуты, дни, годы душевной боли, которую испытывает героиня. О глубине пережитых страданий свидетельствует поседевшая враз коса. Происходит и встреча лицом к лицу с соперницей, но эта встреча уже ничего не меняет, скорее, роднит женщин в их общем горе:

Вышла – седая –
цветочек на шлях
бросить.
Видит –
еще у одной в волосах
проседь...

[Аврутин, 2022, с. 258].

Война изменила привычный ход вещей: даже в любовном треугольнике появляется ещё одна невидимая соперница – смерть – бороться с которой не под силу ни одной из любящих женщин.

Стихотворение «Грушевка» выдержало множество переизданий, стало «хрестоматийным» примером современной поэзии и Великой Отечественной войне. В первой строфе поэт не только и не столько повествует о тяжёлой участи женщин в послевоенные годы, сколько указывает на истинное женское предназначение, которое раскрывается даже в бытовых повседневных действиях: созидать, восстанавливать мир, врачевать раны, возвращать к жизни:

Стирали на Грушевке бабы,
подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озяблой,
смывали с одёжки войну

[Аврутин, 2022, с. 31].

В грубой действительности, среди «озяблой» осени, водой из дощатой колонки бабы «прерывистой ниточкой тонкой» связывают между собой прошлое и будущее, смывают войну с себя и своих близких. Стирка в поэтическом кругозоре А. Аврутина становится метафорой очищения и возрождения.

От взглядов работу не пряча,
и лишь проклиная её,
стирали обноски ребячьи
да мелкое что-то своё...

[Аврутин, 2022, с. 32].

За нарочитой обыденностью изображаемой картины: бабы, проклинаящие ежедневную рутинную работу, ледяная вода, обжигающая натруженные руки, поношенные детские вещи, – прочитывается надежда на возвращение к мирной жизни, присутствует упоминание на дискурс детства («обноски ребячьи»), а дети в художественной литературе – всегда символ будущего. Стихотворение «Грушевка» изоморфно народным эсхатологическим представлениям об умирании – очищении – возрождении, которые всегда соотносились с привычными бытовыми циклами крестьянского труда. Залогом будущего возрождения видится и возвращение в семью мужчины-кормильца, продолжателя рода:

И дружно глазами тоскуя,
глядели сквозь влажную даль
*на ту, что рубаху мужскую
в тугую крутила спираль...*

[Аврутин, 2022, с. 32].

И пусть выстиранная мужская сорочка становится предметом зависти товарок, но семантическая направленность стихотворения убеждает читателя в том,

что жизнь, несмотря ни на что, будет продолжаться.

Некоторые стихотворения А. Аврутина о войне содержат элементы фольклорной эстетики или стилизованы под жанры устного народного творчества. Так, стихотворение «На золотом крыльце сидели...» имеет авторский подзаголовок «Детская считалочка». И действительно, на уровне сюжетно-композиционной организации обыгрывается известный текст упомянутого произведения детского фольклора. Заметим при этом, что автор не пытается соблюдать ритмическую структуру считалочки, создавая свой собственный метрический рисунок, соответствующий коммуникативной задаче стихотворения:

На золотом крыльце сидели,
момент не очень оценив,
царевич в воинской шинели –
так ослепительно красив;
сапожник, что рукою ловкой
мог подогнать любой каблук;
портной... У каждого винтовка.
И под сердечный перестук
они вдыхали с яблонь запах,
подобный терпкому вину.
А завтра им – кому на запад,
кому – в другую сторону...

[Аврутин, 2024].

Кроме того, в произведении присутствует цитация известного стихотворения М. Исаковского «Прощание» (песня на эти стихи получила широкую известность в исполнении Л. Утёсова). Приём интертекстуальности позволяет создать контраст между лёгкостью прецедентных текстов и драматизмом военных событий, описанных в стихотворении, выявить на этом контрасте и глубину страдания лирической героини, и антигуманистическую природу войны в целом:

«На золотом крыльце сидели...»

И бормотал поникший сад
про три пробитые шинели,
в которых не пришли назад,
И свет не гас в оконце слева,
где ночью мучилась без сна,
без подданных – не королева,
и не вдова... И не жена...

[Аврутин, 2024].

Приём смыслового контраста игровой формы и трагического содержания использует А. Аврутин и в стихотворении «Эники-беники ели вареники...». Здесь уже поэт сохраняет привычный ритм считалочки, присущие этому фольклорному жанру паузированность и лаконичность фраз. Психологический эффект воздействия на читателей, достигаемый подобного рода контрастом, сродни «Моей цыганской» В. Высоцкого, где поэтический текст, раскрывающий социальные и духовные противоречия эпохи, исполнялся под разгульную цыганскую мелодию. Поэтическое мастерство А. Аврутина позволяет в трёх строфах стихотворения затронуть и табуированную ранее тему противоборства человека не только с внешним врагом, но и с казарменной системой, и рассказать о геноциде еврейского народа в годы войны, и дать глубокую философскую оценку прошлого с христианских позиций:

Эники-беники ели вареники...
Ельня... Сражение... Плен.
Как окруженец, записан в изменники
«Эник» – Захаров Э. Н.

Эники-беники ели вареники –
всё без вражды и обид.
Беня, как многие прочие «беники»,
в киевском гетто убит.

Эники-беники... Нравы и облики
канули... Друженько, в ряд,
как на вареник, усевшись на облако,
Эник и Беник парят

[Аврутин, 2022, с. 256].

О генетической, кровной связи с фронтовиками, которые отстояли мир, свободу и независимость пишет А. Аврутин в стихотворении «Погоди, не умирай, слышишь, дядя Гриша?!». Лирический герой стихотворения переживает интериоризацию военного прошлого, испытывает тёплую сыновнюю привязанность к представителям поколения, пережившего войну, страшится утраты тех нравственных ценностей, носителями которых они являются:

Ты во дворик выходил чуть сутуловато,
по свистулке вырезал шустрой ре-
бятне...

Мы с тобой почти родня – как же
без тебя-то? –

*ты ведь был с моим отцом на од-
ной войне*

[Аврутин, 2016, с. 28].

Память о пережитой войне – связу-
ющее звено в цепи поколений. Этот
урок был дан человечеству, чтобы осо-
знать противоестественность войны, её
гибельность для всего живого, её раз-
рушительное влияние не только на раз-
витие цивилизации, но и на моральный
облик людей. Не случайно в стихотво-
рении «Один убит... Другой, ещё про-
ворен...» суровой реальности войны
поэт противопоставляет маленькую
букашку, воплощающую в конкретный
момент своего существования великую
мудрость природы, декларирующей
жизнь и процветание, а не смерть и
разрушение:

А может быть, на рамочку прицела,
когда напротив сердца был прицел,
букашка неразумная присела
и на мгновенье выстрел не успел?..

[Аврутин, 2022, с. 254].

Исторический путь нашего народа
наполнен внешнеполитическими вызо-
вами. Современная ситуация не ис-

ключение. Вполне естественно, что в поэтическом сознании (как в человеческом сознании вообще) возникают вопросы о том, закончатся ли войны в истории человечества, созреет ли оно для осознания и принятия мира как высшей ценности, не были ли напрасными жертвы минувшей войны, или её уроки до сих пор не усвоены? Эти глобальные и как никогда актуальные вопросы А. Аврутин поднимает в ряде стихотворений, открывая цикл размышлений произведением «Монолог из неизвестности». Субъектом лирического высказывания становится неизвестный солдат, погибший в годы Великой Отечественной войны. Лирический герой не имеет имени, не обозначено и место его захоронения, для индивидуализации своего героя поэт использует лишь некоторые бытовые детали его довоенного прошлого:

Я на фронт уходил –
земляником дышали поляны.
Думал, что ворочусь
через месяц, ну пусть
через год.
Как же имя моё?
Столько лет я лежу
безымянный,
в головах у меня
лишь одна земляника растёт

[Аврутин, 2022, с. 19].

Оставляя в безвестности имя солдата и его могилу, поэт абсолютизирует понятие «неизвестный солдат», апеллирует к традициям экзистенциальной военной прозы 70-х годов прошлого века, в которой наблюдалась намеренная дегероизация описываемых событий с целью вывести на первый план их нравственно-психологическую значимость. Важно, что лирический герой не испытывает сожалений ни о прожитой короткой жизни, ни о своей безвременной

кончине. Главный его вопрос звучит в финале стихотворения. Ответ на него должен стать оправданием и жизни, и смерти героя. Однако именно в недосказанности видится реализация коммуникативной стратегии произведения:

Мне бы только узнать,
кто из наших домой воротился
и в каком же году
всё ж закончилась
эта война?..

[Аврутин, 2022, с. 20].

Вопрос, действительно ли войну можно считать завершённой, является риторическим и в стихотворении «Бредёт навстречу дряхленький Мирон...». Образ Мирона – бывшего фронтовика, а ныне выжившего из ума дряхлого старика, топящего печаль в бутылке, – полон внутреннего трагизма:

Он сдал в музей медаль и ордена,
он потерял жену, а с ней – рассудок.
И встречного: «Закончилась война?..» –

пытает он в любое время суток

[Аврутин, 2022, с. 22].

При этом ещё больше трагизма – в дискурсе лирического героя-повествователя (*alter ego* автора), который не может отмахнуться от навязчивого старика, не может оставить его вопрос без ответа, но и не может дать на него однозначный ответ:

Проклятый век... Шальные времена...
В соседней Украине гибнут дети.
А здесь Мирон: «Закончилась война?..»
И я не знаю, что ему ответить...

[Аврутин, 2022, с. 22].

Постановку многоточия (особенно в лирическом произведении) принято расценивать как приём смыслового умолчания. Умолчание в данном стихотворении А. Аврутина носит не столько смысловой, сколько эмоциональный характер. Лирический повест-

вователь словно сдерживает свои чувства досады, бессилия, озабоченности будущим – своим и своей страны. Пунктуационная система стихотворения способствует обозначению тех эмоций, которые трудно, а порой невозможно выразить словами.

Интертекстуальная основа стихотворения «Неужели нам вновь пригибаться завещано...» позволяет поэту выстроить своеобразный диалог с творческим наследием предшественников, демонстрирует литературную рефлексию традиций как советской, так и классической культуры. Этот диалог представляет собой сублимацию авторской тревоги о завтрашнем дне, вызванной актуальной внешнеполитической ситуацией:

Неужели же снова дороженька узкая
приведёт к полотну посреди суеты,
чтоб шептать: «По бокам-то всё косточки русские...»

Про Некрасова, Ванечка, знаешь ли ты?

Что ты скажешь, когда перелеском,
пригорками

с автоматом зимою пойдёшь сквозь
снега?

А «Катюшу» ты слышал?.. А слышал про Тёркина?

А ты знал, что «до смерти четыре шага»?

[Аврутин, 2022, с. 32].

Транспонируя события прошлого на современные реалии и понимая, что не найдёт утешительных ответов на волнующие вопросы, автор пытается отыскать нравственную опору, указать путь духовного спасения. Оплотом гуманизма и силы человеческого духа выступает в поэтической картине мира А. Аврутина православие, проповедующее идеалы добра, справедливости и любви:

Вновь оставит снаряд в колоколен-
ке трещину,
вновь обрушится небо, живое губя...
Это, Ванечка, Русь... *И какая-то
женщина
всё равно, глядя вслед, перекрестит
тебя* [Аврутин, 2022, с. 32].

Заключение

Идейно-тематический диапазон поэзии А. Аврутина о Великой Отечественной войне невероятно широк: поэт осмысливает войну и как социальную, и как экзистенциальную категорию, изображает индивидуальные

судьбы лирических героев в контексте исторического пути народа. Автор достигает максимальной психологической глубины своих стихотворений при помощи ёмких художественных деталей, яркой образности, приёмов интертекстуальности и фольклорной стилизации. Стихотворения А. Аврутина о войне отражают специфику индивидуальных творческих исканий поэта, его эстетическую и аксиологическую ориентацию, гражданскую позицию.

Библиографический список

1. Аврутин А. Ю. Временная вечность. Минск : Мастацкая літаратура, 2022. 350 с.
2. Аврутин А. Ю. На золотом крыльце сидели... URL: <https://gospisatel.ru/avrutin-novoje13.html> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Аврутин А. Ю. Стихи // Война и мир: антология: Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв.: [в 10 книгах / ред.-сост. Б. И. Лукин; сост. Ю. П. Перминов; авт. идеи Д. А. Мизгулин]. Тюмень : Тюменский издательский дом, 2015–2016.
4. Аристов Д. В. «Окопная правда» – вчера и сегодня // Филологический класс. 2010. № 23. С. 30–36.
5. Вторая мировая война в славянских литературах и языках. Тезисы докладов международной научной конференции, 10–11 ноября 2015 г. Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. 104 с.
6. Званоў перазвон: зборнік паэтычных, праявічных і публіцыстычных твораў / уклад. Рагнэд Малахоўскі; прадм. Л. Крываноса. Мінск : Звязда, 2023. 112 с.
7. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4. С. 6–24. DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-6-24.
8. Ковтун Н. В. Переосмысление наследия Второй Мировой Войны в австрийской литературе конца XX века / Н. В. Ковтун, М. В. Ларина // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15 (№ 1). С. 49–60.
9. Крикливец Е. В. Принцип «двоемирия» и герои-медиаторы в современной прозе о Великой Отечественной войне (на примере повести О. В. Сешко «Снуть вошлебная») // Сибирский филологический форум Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2024. № 2 (27). С. 41–54.
10. Крикливец Е. В. Роман А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» в стилевой интеграции реализм – постмодернизм // Язык и литература: теория и практика. 2024. Том 3, № 3. С. 55–66.

11. Крыклівец А. У. Дыялектыка народнай свядомасці ў рамане «Вайна» Уладзіміра Гніламедава // Роднае слова. 2024. № 9. С. 7–12.
12. Литература в контексте современности: сборник материалов XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Челябинск, 11 декабря 2020 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2020. 176 с.
13. Маркова Т. Н. Стилиевые трансформации военной прозы конца XX века // Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы. Санкт-Петербург, 2016. С. 173–176.
14. Незабыўнае рэха вайны: выбраныя вершы беларускіх паэтаў пра Вялікую Айчынную вайну / уклад. Віктара Шніпа. Мінск : Мастацкая літаратура, 2023. 126 с.
15. Па праву жывога: кніга-прызнанне сучасных беларускіх паэтаў да 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў / склад. Т. Ф. Рослік. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2014. 472 с.
16. Пленков О. Ю. Национальное покаяние за нацизм в Германии в контексте сегодняшней европейской интеграции // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. № 2. С. 91–100.
17. Плеханова И. И. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков : уч. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 163 с.
18. Победители: проза, поэзия, публицистика / сост.: Михаил Поздняков, Николай Денисов. Минск : Мастацкая літаратура, 2015. 311 с.
19. Скаковская Л. Н. Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 1. С. 107–113.
20. Jurgen P. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identität der achtziger Jahre. Frankfurt am Main : Verlag Peter Lang, 1995. 222 p.

Reference list

1. Avrutin A. Ju. Vremennaja vechnost' = Temporary eternity. Minsk : Mastackaja litaratura, 2022. 350 s.
2. Avrutin A. Ju. Na zolotom kryl'ce sideli... = On the golden porch they were sitting ... . URL: <https://rospisatel.ru/avrutin-novoje13.html> (data obrashhenija: 05.10.2024).
3. Avrutin A. Ju. Stihi = Poems // Vojna i mir: antologija: Velikaja Otechestvennaja vojna (1941–1945) v russkoj poezii XX–XXI vv.: [v 10 knigah / red.-sost. B. I. Lukin; sost. Ju. P. Perminov; avt. idei D. A. Mizgulin]. Tjumen' : Tjumenskij izdatel'skij dom, 2015–2016.
4. Aristov D. V. «Okopnaja pravda» – vchera i segodnja = The “trench truth” – yesterday and today // Filologičeskij klass. 2010. № 23. S. 30–36.
5. Vtoraja mirovaja vojna v slavjanskih literaturah i jazykah. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 10–11 nojabrja 2015 g. = World War II in Slavic literatures and languages. Reports theses of the international scientific conference, November 10–11, 2015. Moskva : Institut slavjanovedenija RAN, 2015. 104 s.
6. Zvanoŭ perazvon: zbornik pajetychnyh, prazaichnyh i publicystychnyh tvoraŭ = The bell ringing: A collection of poetry, prose and publicist works / uklad. Ragned Malahoŭski; pradm. L. Kryvanosa. Minsk : Zvjazda, 2023. 112 s.

7. Kovtun N. V. Tema pamjati v sovremennoj proze o Velikoj Otechestvennoj vojne = The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War // Kul'tura i tekst. 2020. № 4. S. 6–24. DOI 10.37386/2305–4077–2020–4–6–24.

8. Kovtun N. V. Pereosmyslenie nasledija Vtoroj Mirovoj Vojny v avstrijskoj literature konca XX veka = Reinterpreting the legacy of World War II in Austrian literature of the late XX century / N. V. Kovtun, M. V. Larina // Gumanitarnyj vektor. 2020. T. 15 (№ 1). S. 49–60.

9. Kriklivec E. V. Princip «dvoemirija» i geroi-mediatory v sovremennoj proze o Velikoj Otechestvennoj vojne (na primere povesti O. V. Seshko «Snut' voshlebnaja») = The principle of “two-worlds” and heroes-mediators in modern prose about the Great Patriotic War (the case study of O. V. Seshko's story “Snut voshebnaya”) // Sibirskij filologičeskij forum Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva. 2024. № 2 (27). S. 41–54.

10. Kriklivec E. V. Roman A. Matvienko «Demon protiv Ljuftvaffe» v stilevoj integracii realizm – postmodernizm = A. Matvienko's novel “Demon vs. Luftwaffe” in the style integration realism – postmodernism // Jazyk i literatura: teorija i praktika. 2024. Tom 3, № 3. S. 55–66.

11. Kryklivec A. U. Dyjalektika narodnaj svjadomasci ŷ ramane «Vajna» Uladzimira Gnilamedava = Dialectics of people's sacredness in the novel “War” by Vladimir Gnilamedov // Rodnae slova. 2024. № 9. S. 7–12.

12. Literatura v kontekste sovremenosti: sbornik materialov XII Vserossijskoj nauchno-metodičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Cheljabinsk, 11 dekabnja 2020 g.) = Literature in the modern context: collection of materials from the XII All-Russian scientific and methodological conference with international participation (Chelyabinsk, December 11, 2020) / otv. red. T. N. Markova. Cheljabinsk : Biblioteka A. Millera, 2020. 176 s.

13. Markova T. N. Stilevyje transformacii voennoj prozy konca XX veka = Style transformations of war prose of the late XX century // Zapechatlennaja pobeda: ključevye obrazy, koncepty, ideologem. Sankt-Peterburg, 2016. S. 173–176.

14. Nezabyŷnae rjeha vajny: vybranyja vershy belaruskich pajetaŷ pra Vjalikuju Ajchynnuju vajnu = Unforgettable echo of the war: selected poems of Belarusian poets about the Great Patriotic War / uklad. Viktara Shnipa. Minsk : Mastackaja litaratura, 2023. 126 s.

15. Pa pravu zhyvoga: kniga-pryznanne suchasnyh belaruskich pajetaŷ da 70-goddzja vyzvalennja Belarusi ad njamecka-fashyskich zahopnikaŷ = By right of the living: book-confession of contemporary Belarusian poets to the 70th anniversary of Belarus' liberation from the Nazi occupation / sklad. T. F. Roslik. Minsk : Belaruskaja Jencyklapedyja imja P. Broŷki, 2014. 472 s.

16. Plenkov O. Ju. Nacional'noe pokajanie za nacizm v Germanii v kontekste segodnjashnej evropejskoj integracii = National repentance for Nazism in Germany in the context of today's European integration // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2014. № 2. S. 91–100.

17. Plehanova I. I. Russkaja poezija rubezha XX–XXI vekov = Russian poetry at the turn of XX–XXI centuries : uch. posobie. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2015. 163 s.

18. Pobediteli: proza, poezija, publicistika = Winners: prose, poetry, journalism / sost.: Mihail Pozdnjakov, Nikolaj Denisov. Minsk : Mastackaja litaratura, 2015. 311 s.

19. Skakovskaja L. N. Voennaja proza nachala XXI veka: temy, idei, obrazy = War prose of the early XXI century: themes, ideas, images // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1. S. 107–113.

20. Jurgen P. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identitat der achtziger Jahre. Frankfurt am Main : Verlag Peter Lang, 1995. 222 r.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 16.09.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024